

Глава 11

Азов

Петру было двадцать два года, он достиг расцвета молодости и мужественности. Тех, кто впервые видел царя, больше всего в его облике поражал рост: монарх дорос до шести футов семи дюймов и возвышался над всеми окружающими – не забудьте еще, что в те времена люди в среднем были ниже, чем теперь. Однако фигуру его скорее можно назвать угловатой, чем пассивной. Для своего роста он был необыкновенно узкоплечим, руки же имел длинные с сильными, загрубелыми, мозолистыми от работы на верфи ладонями, которые он любил всем показывать. Лицо его в те годы оставалось еще по-юношески округлым и было почти красиво. Он носил небольшие усы и не надевал парика, предпочитая собственные прямые темно-каштановые волосы, немного не доходившие до плеч.

Но самой выдающейся его чертой, даже более удивительной, чем рост, была титаническая энергия. Петр не мог ни спокойно сидеть, ни подолгу задерживаться на одном месте. Он так быстро ходил своим широким, размашистым шагом, что спутникам приходилось рысцой поспешать следом, чтобы не отстать. Если необходимость заставляла царя писать какие-то бумаги, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, склоняясь над высокой конторкой. На пирах он мог усидеть за угощением не больше нескольких минут, после чего вскакивал посмотреть, что делается в соседней комнате, или выходил размяться на улицу. Эта потребность в движении делала Петра большим охотником до танцев. Пробыв в каком-нибудь месте некоторое время, он стремился переменить обстановку и мчался дальше, чтобы видеть новых людей, получать новые впечатления. Представьте себе человека, который всю жизнь был исполнен любознательности, вечно сгорал от нетерпения и пребывал в неустанном движении. Это и будет самый точный портрет Петра Великого.

Но в эти же самые годы молодой царь начал страдать досадным, нередко заставлявшим его испытывать мучительные унижения, недугом. Когда Петр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дергаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся секунды две-три, а иногда – настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, после чего спазм захватывал всю левую половину лица, а глаза закатывались так, что виднелись одни белки. При наиболее тяжелых, яростных припадках затрагивалась и левая рука – она переставала слушаться и непроизвольно дергалась; кончался такой приступ лишь тогда, когда Петр терял сознание.

Располагая только непрофессиональными описаниями симптомов, мы не сможем наверняка установить ни саму болезнь, ни ее причины. Скорее всего, Петр страдал малыми эпилептическими припадками – сравнительно легким нервно-психическим расстройством, которому в тяжелой форме соответствует истинная эпилепсия, проявляющаяся в так называемом «большом припадке». Насколько известно, Петр не был подвержен этому крайнему проявлению болезни: никто из оставивших письменные свидетельства не видел, чтобы он падал на пол и изо рта у него шла бы пена или утрачивался контроль над телесными отправлениями. В его случае раздражение возникало в отделе мозга, управляющем мышцами левой стороны шеи и лица. Если источник раздражения не исчезал или хотя бы не ослабевал, соседние отделы мозга тоже приходили в возбуждение, что и вызывало непроизвольные, судорожные движения левого плеча и руки.

Еще труднее, не зная наверно характера заболевания, точно указать его причину. Современники Петра и авторы более поздних исторических трудов предлагают целый спектр мнений. Одни приписывали эти судороги травмирующему воздействию того ужаса, который он испытал в 1682 году, десяти лет от роду, когда стоял рядом с матерью и на глазах у него озверевшие стрельцы убивали Матвеева и Нарышкиных. Другие находили истоки болезни в потрясении, перенесенном им семь лет спустя, когда Петра разбудили среди ночи в Преображенском вестью о том, что стрельцы идут убивать его самого. Третьи грешили на

безудержное пьянство, к которому царь пристрастился с легкой руки Лефорта, – чего стоит один Всепьянейший собор! Был даже слух, просочившийся на Запад в письмах из Немецкой слободы, будто недуг царя вызван ядом, который подослала ему Софья, пытаясь расчистить себе путь к престолу. Однако самой правдоподобной причиной эпилепсии, особенно если больной никогда не получал сильного удара по голове, отчего на ткани мозга может появиться рубец, считается перенесенное им длительное и тяжелое воспаление. В ноябре 1693 – январе 1694 года у Петра на протяжении нескольких недель держался сильный жар – тогда многие даже опасались за его жизнь. Подобное воспаление, скажем энцефалит, способно вызывать образование на мозге локального рубца; впоследствии раздражение поврежденного участка под действием особых психологических возбудителей дает толчок припадкам такого свойства, какими страдал Петр.

Болезнь глубоко повлияла на личность Петра; ею в значительной степени объясняется его необычайная скованность в присутствии незнакомых ему людей, неосведомленных о его конвульсиях и потому не подготовленных к этому зрелищу. Действительных средств от припадков, столь же мучительных для окружающих, как и для самого Петра, не существовало, хотя меры, которые тогда принимали, и сегодня сочли бы чрезвычайно разумными. Пока подергивание не выходило за рамки обычного тика, Петр и все, кто был с ним, вели себя так, будто ничего не происходит. А если судороги усиливались, друзья или денщики спешили привести к царю кого-нибудь, чье присутствие действовало на него благотворно. Со временем в таких случаях на помощь всегда призывали вторую жену Петра, Екатерину, если она оказывалась поблизости, но до ее появления или в ее отсутствие эту роль исполняла какая-нибудь молодая женщина, умевшая успокоить царя. «Петр Алексеевич, вот особа, с которой вы желали поговорить», – произносил встревоженный денщик и удалялся. Царь ложился и опускал трясущуюся голову женщине на колени, а она поглаживала его лоб и виски, тихонько и ласково что-то приговаривая. Петр засыпал, и пока сознание его было отключено, болезненный процесс в мозгу затихал. Через час-другой он просыпался отдохнувшим и в гораздо лучшем настроении, чем до приступа.

* * *

Зимой 1695 года Петр принялся искать нового применения своей энергии. Его вдохновили два лета, проведенные в Архангельске, краткие плавания по Белому морю, долгие беседы с английскими и голландскими капитанами, и теперь он хотел плавать дальше, видеть больше, испытывать новые корабли. Он постоянно возвращался к мысли о походе в Персию и на Восток. Эту тему часто затрагивали зимними вечерами в Немецкой слободе, где голландские и английские купцы с важностью рассуждали о торговле между Европой и Индией, Европой и Персией, которую можно было бы весьма расширить, используя российские водные пути. Лефорт писал из Архангельска родственникам в Женеву: «Шла речь о том, чтобы через пару лет совершить путешествие в Казань и Астрахань». Позже швейцарец сообщал: «Следующим летом мы собираемся построить пять больших кораблей и две галеры, на которых, даст Бог, через два года отправимся отсюда в Астрахань для заключения важных соглашений с Персией... Есть также замысел построить несколько галер и выйти в Балтийское море».

Пока в воздухе носились разговоры о Персии и о Балтике, зимой 1695 года Москва была ошарашена объявлением о том, что ближайшим летом Россия намеревается возобновить войну против татар и их хозяев – Османской империи. Почему той зимой Петр пришел к решению атаковать турецкую крепость Азов, точно неизвестно. Существует мнение, что Петр ни с того ни с сего ринулся на поля сражений исключительно по своей неугомонности и что таким образом он просто давал выход своей энергии и любопытству. Рассматривая последовательность событий с этих позиций, мы видим, что Петр открыл очередную главу в той великой морской эпопее, которая вдохновляла его на протяжении всей жизни: сначала была Яуза, потом Плещеево озеро, потом Архангельск. Теперь он

мечтал о создании флота. Но единственный морской порт России намертво замерзал на полгода. Ближайшее море, Балтийское, крепко держала в руках Швеция, самая могущественная военная держава Северной Европы. Оставалась только одна дорога к соленой воде – на юг, к Черному морю.

Ну а если эта новая авантюра и не была потехой Нептуна, тогда она наверняка была Марсовой потехой. Уже двадцать лет Петр играл в солдатики – сначала это были игрушки, потом мальчишки, потом взрослые люди. Его игры, начавшись с муштры нескольких сотен праздных юных конюхов и сокольников, дошли до штурма и обороны Прешпурга, крепости на речном берегу, с участием тридцати тысяч солдат. Теперь же, стремясь изведать вдохновение настоящего боя, он искал, какую бы крепость осадить, и Азов, одиноко стоявший на краю украинской степи, отлично для этого подходил.

Несомненно, неукротимое стремление Петра к морю и его желание испытать армию в деле сыграли свою роль в решении идти на Азов. Но существовали и другие причины. Россия была по-прежнему в войне с Османской империей, и каждое лето всадники татарского хана скакали на север и совершали набеги на Украину. В 1692 году двадцатитысячное татарское войско подступило к городу Немирову, сожгло его дотла и захватило две тысячи пленных для продажи на турецких невольничьих рынках. Через год увели в полон еще пятнадцать тысяч человек.

После падения Софьи Москва мало что сделала для защиты южных пограничных земель, невзирая на доносившиеся оттуда призывы о помощи. Равнодушие царя даже вызвало язвительную насмешку со стороны Досифея, православного патриарха Иерусалимского. «Крымских татар всего горстка, – писал он Петру, – и все же они хвастаются, что получают с вас дань. Татары – турецкие подданные, откуда следует, что и вы подданные Турции. Много раз вы похвалялись сделать и то и се, но все кончалось одними словами, а сделать ничего не сделали».

Были к тому же и дипломатические причины возобновить боевые действия против турок и татар. Союзник Москвы, польский король Ян Собеский, рассудив, что Россия не внесла ничего существенного в общее дело борьбы с Турцией, пригрозил заключить сепаратный мир с Османской империей, абсолютно не учитывающий интересы России. Как заметил король русскому резиденту в Варшаве, едва ли справедливо винить Польшу в несоблюдении интересов Москвы, если никто не потрудился толком объяснить, в чем они состояли.

Таким образом, азовская кампания была не просто более изощренной военной игрой, затеянной ради обучения войск и удовольствия царя. Желание пресечь татарские набеги и необходимость принять какие-то военные усилия, дабы удовлетворить поляков, были достаточно серьезными побуждениями и заставили бы действовать любое русское правительство. Другое дело, что эти два фактора идеально совпадали с собственными чаяниями Петра.

Оставалось решить, где развернуть кампанию. Цель была ясна: насолить туркам и окоротить татар. После двух неудачных походов Голицына русские с осторожностью относились к новой попытке нанести прямой удар через степи по Перекопу. На этот раз русские должны были атаковать одновременно с двух сторон. Двойную цель тем самым представляли собой устья Днепра и Дона, где турецкие крепости преграждали доступ к Черному морю украинским казакам и русским армиям. Теперь, вместо того чтобы шагать по высохшим степям и тащить за собой тысячи телег с припасами, русской армии предстояло отправиться на юг по воде, используя баржи для доставки продовольствия и боеприпасов.

Для двойного наступления были сформированы две очень непохожие одна на другую русские армии. Восточная армия, которой надлежало двигаться вниз по Дону на штурм мощной турецкой крепости Азов, состояла из потешного войска Петра – солдат, атаковавших или оборонявших Прешпург на Кожуховских учениях прошлой осенью. В нее входили новые Преображенский и Семеновский гвардейские полки, стрельцы и обученная европейцами артиллерия и кавалерия – 31 000 солдат, разделенных на три отряда под

командованием Лефорта, Головина и Гордона. Чтобы избежать соперничества, ни один из троих не был назначен верховным главнокомандующим. Каждому отряду следовало действовать самостоятельно, а решения, относящиеся ко всей армии, трем генералам предстояло принимать совместно в присутствии двадцатитрехлетнего бомбардира Питера.

Второе, или западное, крыло русского наступления, которому предписывалось следовать вниз по Днепру и атаковать крупные турецкие крепости в Очакове и Казикермене и три крепости поменьше, охранявшие устье реки, включало значительно более многочисленное традиционное русское войско под началом боярина Бориса Шереметева. Эта армия напоминала огромные полчища, которые водил на юг Голицын: 120 000 солдат, главным образом крестьяне-ополченцы, призванные по старинке на одно лето для участия в походе. По генеральному замыслу, войска Шереметева выступали как вспомогательные, дополняющие действия армии Петра. Их цель была не просто занять днепровские крепости, но также отвлечь главные силы татарской конницы от броска на восток, к Азову, осаждаемому отрядами Петра. Кроме того, царь надеялся, что, благодаря присутствию этого мощного прикрытия, Крым будет отрезан от европейских владений Османской империи на западе и, следовательно, татарское войско не сможет совершить свой обычный ежегодный поход на соединение с армией султана на Балканах. Этим Россия окажет весомую помощь своим попавшим в тяжелое положение союзникам. Далее, сам факт появления огромной русской армии на Украине, конечно, должен был упрочить влияние царя на вечно колеблющихся, легко поддающихся различным влияниям казаков.

Как только план кампании был составлен, Петр погрузился в приготовления. Захлебываясь от восторга, он писал Апраксину в Архангельск: «Шутили под Кожуховом, а теперь под Азов играть едем».

Отряд Гордона первым подготовился к походу и в марте выступил из Москвы на юг через степи, «густо поросшие цветами и травами – спаржей, диким тимьяном, майораном, тюльпанами, гвоздикой, медуницей и левкоями», как значится в дневнике командующего. Петр, Лефорт и Головин с главными силами двинулись в мае, погрузившись на баржи прямо на Москве-реке, и направились вниз по течению, чтобы попасть в Волгу. Их путь лежал вниз по Волге до Царицына, а там пушки и припасы перетаскивали волоком в низовья Дона и погрузили на другие суда. Продвигались медленно, потому что баржи то и дело давали течь, а гребцы были неопытны. Рассерженный Петр написал Виниусу: «Болше всех задержка была от глупых кормщиков и работников, каторые именем словут мастера, а дело от них, что земля от неба».

29 июня главный корпус численностью в 21 000 человек добрался до Азова, где 10-тысячный отряд Гордона уже успел окопаться на подступах к городу.

Город-крепость Азов стоял на левом берегу самого южного из рукавов Дона, милях в пятнадцати выше места его впадения в Азовское море. В 500 году до нашей эры здесь была одна из греческих колоний Северного Причерноморья. Позднее город, контролировавший вход в великую реку и торговлю по ней, стал колонией Генуи. В 1475 году его захватили турки, замкнув с северо-востока кольцо своего контроля над Черным морем и обеспечив барьер русскому продвижению в низовья Дона. Город окружили крепостной стеной, а в миле от него, вверх по реке, выросли две турецкие сторожевые башни, между которыми поперек реки протянули железные цепи, чтобы легкие казацкие челны не могли проскользнуть мимо Азова и выйти в море.

С прибытием царя к стенам города русская артиллерия открыла огонь и продолжала обстрел четырнадцать недель. Трудностей было немало. Не хватало опытных инженеров – а в петровские времена при осаде у инженеров было не меньше работы, чем у артиллеристов или пехотинцев. Русская интендантская служба не справлялась с обеспечением пропитания для 30 000 человек, находящихся в полевых условиях, и армия быстро опустошала и без того бедные окрестности Азова. Стрельцы не желали подчиняться приказам офицеров-иностранцев, и порой от них невозможно было добиться никакого толку. Вот как отзывался Гордон о положении в целом: «Судя по нашим действиям, иногда казалось, будто мы затеяли

все это не всерьез».

Вначале турецкие сторожевые башни на подступах к городу не пропускали вниз по реке русские баржи с припасами для армии. Приходилось разгружать их выше по течению и подвозить к войскам по суше в повозках, рискуя подвергнуться нападению татарских всадников, которые постоянно кружили вокруг русского лагеря. Захват башен сделался важнейшей задачей, так что вся армия ободрилась, когда донские казаки взяли одну из них штурмом. Вскоре турки, не выдержав мощного огня артиллерии, оставили и другую башню.

Но радость Петра в связи с этим успехом скоро омрачилась предательством, случившимся в его собственном лагере. Голландский моряк по имени Якоб Енсен перебежал от русских к туркам и выдал им важные сведения. Когда-то он матросом пришел на голландском корабле в Архангельск, поступил на русскую службу, принял православие и был приписан ко вновь созданной русской артиллерии. Петр, любивший и голландцев, и артиллерию, приблизил Енсена и многое доверял ему в дни и ночи осады Азова. Дезертировав, Енсен открыл азовскому паше численность и расположение русских войск, сильные и слабые стороны осадных сооружений и все, что знал о намерениях Петра. Кроме того, он дал один полезный совет, основанный на неизменном обыкновении всех русских, не исключая и военных, вздремнуть днем после сытного обеда. Через несколько дней в этот самый час турки совершили мощную вылазку в русские окопы. Поначалу заспанные солдаты побежали, но Гордон сумел их повернуть и после отчаянного трехчасового боя турки отступили. Вылазка дорого обошлась осаждавшим: 400 человек погибло, 600 было ранено, пострадали многие из осадных сооружений.

Еще больший ущерб, чем от предательства Енсена, терпела русская армия из-за своей неспособности полностью отрезать крепость от внешнего мира. Гордон, самый опытный воин в стане Петра, настаивал на том, чтобы город был обложен со всех сторон, но из-за недостатка живой силы осаждающие даже не полностью окружили Азов с суши. Между последним русским окопом и рекой зияла брешь, сквозь которую татарская конница регулярно сообщалась с азовским гарнизоном. Еще сильнее действенность осады снижало то, что у русских не было кораблей и они не могли контролировать движение судов по реке. Поэтому Петру оставалось только кусать локти, наблюдая, как двадцать турецких галер беспрепятственно поднялись по реке и доставили гарнизону всевозможные припасы и свежее пополнение.

Все долгие недели осады сам Петр провел в неустанных трудах. Он продолжал играть две роли. В качестве простого артиллериста бомбардир Петр Алексеев, как он себя называл, помогал заряжать и наводить осадные мортиры, посылавшие в город бомбы и снаряды. Как царь он возглавлял высший военный совет, обсуждал и утверждал все планы и операции. К тому же он непрерывно переписывался с друзьями в Москве. Сияясь развеять собственное уныние, он поддерживал шуточный тон и обращался к Ромодановскому «мой государь», «король», а подписывался, после уверений в глубочайшем почтении, – «бомбардир Питер».

Успеху русских осадных операций все сильнее мешало разделенное командование. И Лефорту, и Головину задевало, что генерал Гордон превосходит их опытностью в военном деле, поэтому они старались держаться в совете заодно, – чтобы перевесить мнение старого шотландца. Петр, со своей стороны, был недоволен затянувшейся осадой и вместе с Лефортом и Головиным настоял на решении внезапно нанести удар и попробовать взять город штурмом. Гордон втолковывал им, что для овладения крепостью такой мощи следует подвести траншеи ближе к стенам, дабы войска находились в укрытии вплоть до момента атаки, а не оставались надолго незащищенными на открытом пространстве перед стенами. Его предупреждениям не вняли, и 15 августа произошло наступление, которое провалилось, как он и предсказывал. «Вот итог этого несвоевременного и поспешного предприятия, – писал Гордон в дневнике. – В четырех полках убито полторы тысячи человек, не считая офицеров. Около 9 часов Его Величество послал за мной и за другими офицерами. Кругом были одни сердитые взгляды и унылые физиономии». Несчастья продолжались. Дие огромные подземные мины, которые предполагалось подвести под турецкие стены,

взорвались еще в русских окопах и вызвали новые тяжелые потери.

Наступала осень. Петр знал, что не может всю зиму держать солдат в окопах; оставалось взять город или отступить. Но последний приступ удался не лучше первого, и солдаты совсем пали духом, да и холодало – и 12 октября Петр снял осаду. Он, однако, собирался вернуться на следующий год, о чем говорит то обстоятельство, что в двух сторожевых башнях он оставил сильный трехтысячный гарнизон.

Возвращение армии на север обернулось настоящим бедствием, унеся больше жизней и снаряжения, чем вся летняя кампания. Семь недель под проливными дождями русская армия брела, спотыкаясь, через степи, а татарские всадники неотступно преследовали ее. Реки вздулись от дождей, трава за лето пожухла и выгорела, а теперь раскисла, животным было нечего есть, а люди с трудом отыскивали сухой хворост, чтобы развести огонь. Армию сопровождал австрийский дипломат Плейер, чье донесение в Вену – поистине горестная повесть: «Множество провизии, которой хватило бы для целой армии, погибло от плохой погоды или пошло ко дну вместе с баржами... Невозможно было без слез видеть, как вдоль всего пятисотмильного пути через степь лежали трупы людей и лошадей, объединенные волками, многие селения переполняли больные и умирающие».

2 декабря армия добралась до Москвы. Петр, идя по стопам Софьи и Голицына, которых сам же гневно осуждал, постарался замаскировать свою неудачу, устроив триумфальное вступление в столицу. Он прошагал по городу, ведя перед собой единственного несчастного пленного турка. Обмануть никого не удалось, и сетования на царевых иноземных военных советников зазвучали громче. Как могла рассчитывать на победу православная армия, если ею командовали чужестранцы и еретики?

Этот довод становился еще весомее оттого, что армия Шереметева, старозаветное русское воинство, ведомое исключительно русскими командирами, добилась значительных успехов в низовьях Днепра. Вместе с конницей казачьего гетмана Мазепы войска Шереметева взяли две из приднепровских турецких крепостей, после чего турки сами оставили еще две. Благодаря этому русские получили контроль над Днепром почти на всем его протяжении, до самого Черного моря.

Но то были успехи Шереметева, а собственный поход Петра на Азов с треском провалился. Его хваленая «европейская» армия отступила ни с чем, да и на обратном пути ей пришлось хлебнуть лиха. И все-таки, хотя поражение было тяжелым разочарованием для нетерпеливого двадцатитрехлетнего царя, оно его не обескуражило. Петр всерьез намеревался вернуться под Азов. Не ища для себя оправданий, он честно признал свое поражение и с головой ушел в приготовления ко второй попытке. Три серьезных просчета помешали исполнению его планов: отсутствие единого командования, недостаток опытных инженеров на строительстве осадных сооружений, открытый для врага доступ с моря в устье реки, перечеркнувший замысел изолировать крепость от помощи извне.

Легче всего было исправить первый просчет: назначить будущим летом единого верховного командующего армией. Чтобы избавиться от второго недостатка, Петр обратился к австрийскому императору, а также к курфюрсту Бранденбургскому с просьбой прислать опытных специалистов в осадном деле и тем помочь в борьбе с неверными. Куда труднее было одолеть третье препятствие – требовался флот, чтобы держать в руках водные пути к крепости. Тем не менее Петр решил, что флот у него будет, и потребовал, чтобы к маю – всего за пять месяцев – построили военный флот в 25 вооруженных галер и 1300 новых стругов для перевозки войск и припасов. Галеры должны были представлять собой не обычные плоскодонные речные суда, а солидные морские военные корабли, способные противостоять турецкому флоту в устье Дона, а то и в открытом море.

Казалось, это задача непосильная. Назначенный срок был не только смехотворно мал, но как раз на эти пять месяцев приходилось самое неблагоприятное время года. Реки и дороги скрывались подо льдом и снегами, короткие дни рано сменялись зимними ночами, у людей, работавших молотками и пилами под открытым небом, пальцы коченели от холода. И не было ни удобного морского порта, ни верфей, так что Петру предстояло строить свои

корабли где-нибудь посреди России, а затем сплавлять по рекам, чтобы доставить к месту морского сражения с турками. Мало того, в России не было настоящих корабельных мастеров. Русские умели строить только струги, простые суда в сто футов в длину и двадцать в ширину, собранные без единого гвоздя, которые использовали, чтобы один раз спуститься вниз по реке, а потом разбирали на доски или дрова. Таким образом, план Петра подразумевал, что сначала предстояло построить верфи, набрать рабочих, обучить их выбирать, валить и тесать лес, закладывать кили, строить корпуса, ставить мачты, выстругивать весла, вить канаты и шить паруса, а затем подготовить корабельные команды и всем флотом спуститься по Дону до Азова. И все это за пять зимних месяцев!⁵¹

Царь взялся за работу. Местом строительства флота был избран Воронеж, город в верховьях Дона, примерно на полпути от Москвы к морю. Воронеж имел несколько преимуществ. Благодаря своему положению он был недосягаем для татарских набегов. Он располагался севернее границы степей, и строевого леса там было сколько угодно. По этим причинам со времен царя Алексея и присоединения Украины к России в Воронеже строили примитивные баржи, на которых доставляли товары донским казакам. На низком восточном берегу Дона Петр возвел новые верфи, расширил старые и пригнал огромное число необученных работников, взятых по набору. Белгородскому разряду, в ведении которого находился Воронеж, было приказано поставить 27 828 человек на «корабельное строение». Петр послал в Архангельск за опытными плотниками и корабельными мастерами, вырвал иностранных и русских мастеровых из зимней праздности, пообещав, что к лету они освободятся. Он обратился к венецианскому дожу с просьбой прислать специалистов по сооружению галер. Галеру, заказанную в Голландии и недавно прибывшую в Архангельск, разобрали на части и перевезли в Москву, где она служила образцом для судов, которые той зимой строили в Преображенском и на Плещеевом озере. Эти одномачтовые и двухмачтовые корабли делались секциями, наподобие современных сборных судов; затем секции грузили на сани и тащили по заснеженным дорогам в Воронеж, на сборку.

* * *

В самом разгаре титанических усилий Петра, 8 февраля 1696 года, внезапно умер царь Иван. Слабый здоровьем, некрепкий умом, безобидный и кроткий Иван прожил почти все свои двадцать девять лет как живая икона, которую извлекали во время торжеств или выставляли вперед в критическую минуту, чтобы унять разъяренную толпу. Неугомонный, энергичный Петр и его тихий, вялый сводный брат и соправитель были настолько непохожи, что, может, именно поэтому сохранили большую привязанность друг к другу. Как царь-соправитель, Иван снял с плеч царственного бомбардира и шкипера множество утомительных церемониальных обязанностей. Из своих путешествий Петр всегда писал брату ласковые и уважительные письма. Теперь, когда Иван упокоился в пышной гробнице под сводами кремлевского собора Михаила Архангела, Петр взял под свое покровительство его молодую вдову, царицу Прасковью, с тремя дочерьми. В благодарность Прасковья до конца дней сохраняла преданность Петру.

Смерть Ивана не имела существенного политического значения, но с ней окончательно оформилось самодержавие Петра. Теперь он стал единственным и полновластным верховным правителем Российского государства.

⁵¹ Морское кораблестроение началось в России и в Америке почти одновременно. В 1690 году за пять лет до того, как Петр развернул свою скоростную программу создания флота в Воронеже, маленький военный корабль «Фолкленд» был построен для британского флота в Портсмуте, в штате Нью-Гемпшир. Это судно, полностью сработанное руками мастеров-колонистов, и стало первым военным кораблем, построенным в Северной Америке.

(Хотелось бы вернуть пальму первенства России. 19 июля 1667 года был издан указ о строительстве кораблей в селе Демино в Коломенском уезде для плавания по Каспию. В мае 1668 года первый корабль «Орел», построенный голландскими мастерами, был спущен на воду и отправился в Астрахань, где благополучно окончил свои дни. – *Примеч. ред.*)

Вернувшись в Воронеж, Петр застал там кипучую деятельность и полную неразбериху. Горы спиленного леса волокли к строительным площадкам, где уже вырисовывались контуры будущих судов. Правда, без конца возникали затруднения: многие из архангельских корабельных плотников не слишком торопились попасть в Воронеж; масса рабочих бежала со стройки от голода и невыносимых условий жизни; погода тоже добавляла хлопот: оттепели, превращавшие землю в вязкую грязь, внезапно сменялись морозами, которые сковывали льдом реку и дороги.

Петр ринулся в гущу событий. Он спал в бревенчатой избушке возле верфи и вставал до зари. В грохоте топоров, кувалд и деревянных молотков он строил по голландским образцам галеру «Принципиум», изредка согреваясь у костра вместе с другими плотниками. Он упивался работой: «По приказу Божию к прадеду нашему Адаму, в поте лица своего едим хлеб свой».

В марте погода наладилась, а в середине апреля три галеры, в том числе «Принципиум», спустили на воду. На реке уже стояли на якоре сотни новых барж, готовых под погрузку. Для этой армады Петр велел собрать гребцов со всех даже самых отдаленных рек и озер России. Для службы на боевых галерах он создал особый четырехтысячный отряд морской пехоты, отобрав солдат из многих полков, а больше всего из своих гвардейских – Преображенского и Семеновского.

Этим летом всеобщая мобилизация уступала по масштабам предыдущей, так как во второй кампании не намечалось похода на Днепр, но армия, которой предстояло снова штурмовать Азов, должна была вдвое превышать прошлогоднюю. К 46 000 русских солдат прибавилось 15 000 украинцев и 5000 донских казаков да еще 3000 калмыков – жилистых, смуглых всадников, которые в седле сидели не хуже любого татарина. Командование кампанией было на этот раз возложено на единого военачальника – боярина Алексея Шейна. Он не был опытным полководцем, но происходил из славного рода и в суждениях слыл человеком основательным, а поэтому его назначение заставило прикусить язык всех, кто ворчал, что русской армии под началом чужеземца никогда не видать победы. Лефортов, хоть и не моряк, стал адмиралом нового флота, а Петр, изменив Марсу ради Нептуна, выступил на этот раз как капитан флота, а не артиллерийский бомбардир.

1 мая генералиссимус Шейн взобрался на борт своей флагманской галеры и поднял на корме громадный вышитый флаг с царским гербом. Через два дня первые корабли снялись с якоря и длинная процессия галер и других судов отправилась в путь вниз по Дону. Петр, отплывший позже с боевой эскадрой из восьми быстроходных галер, догнал главную флотилию 28 мая. К концу месяца весь флот достиг удерживаемых русскими сторожевых башен на подступах к Азову.

Боевые действия начались немедленно. 28 мая атаман донских казаков, отправившийся во главе двухсот пятидесяти человек на рекогносцировку в устье реки, прислал сообщение, что там стоят на якоре два больших турецких корабля. Петр решил атаковать. Выбрали девять галер и посадили на них один из лучших полков Гордона. Вниз по реке их сопровождали сорок казачьих челнов по двадцать человек на каждом. В незнакомых водах и при встречном ветре галеры стало разворачивать, и им приказали возвращаться. Петр пересел в один из легких казачьих челнов и поплыл дальше вниз по течению, но в устье реки он обнаружил не два, а тридцать турецких судов, среди них боевые корабли, барки и лихтеры. Он счел, что для него это слишком мощный противник, и отошел вверх по течению в русский лагерь, казаки же остались поблизости от турецких кораблей. На следующую ночь, когда турки все еще переправляли припасы на берег, казаки совершили налет и захватили десять небольших турецких судов. Остальные поспешно отступили на основную якорную стоянку, где турецкие капитаны до того встревожились, что, даже не закончив разгрузки, подняли якоря и ушли в открытое море. Больше подкреплений Азов не получал.

Через несколько дней Петр снова вышел в устье реки, благополучно проведя весь свой флот в двадцать девять галер мимо азовской крепости. Теперь город был отрезан со всех сторон, и любым силам, посланным султаном на помощь, пришлось бы с боями пробиваться против течения мимо петровской флотилии. Чтобы закрепиться понадежнее, Петр высадил войска в устье реки и соорудил там два маленьких форта, оснащенных артиллерией. Когда их достроили, он написал Ромодановскому: «К приходу одного паши есмы при помощи безопасны». 14 июня показалось несколько кораблей, которые попытались высадить десант, чтобы штурмовать русские форты, но приближение петровских галер их быстро отпугнуло. Через две недели турки возобновили попытку, но подошедшие русские галеры опять заставили их отступить.

Теперь, когда опасности со стороны моря не было, а город оказался в изоляции, петровские генералы и инженеры могли вплотную заняться осадой. К счастью для них, турецкий гарнизон Азова, не ожидавший, что русские вернутся после прошлогодней неудачи, мало что сделал для усиления крепости. Турки даже не потрудились скрыть русские земляные осадные сооружения или засыпать окопы, вырытые прошлым летом, так что солдаты Петра, вернувшись, быстро в них разместились и новых земляных работ потребовалось немного. Увеличившаяся вдвое русская армия смогла теперь полностью окружить город со стороны суши линией окопов.

Как только подошла и заняла позиции артиллерия, Петр предложил азовскому паше сдаваться. 26 июня, когда турки ответили на царское требование отказом, русские пушки открыли огонь. Последующие дни Петр прожил в основном на своей галере, стоявшей в устье Дона, и время от времени поднимался по реке посмотреть, как идет обстрел. Когда в Москве стало известно, чем он занимается, сестра царя, Наталья, встревоженная сообщениями о том, что он подставляет себя под огонь неприятеля, просила его в письме держаться подальше от вражеских ядер и пуль. Петр беспечно отвечал: «Я к ядрам и пулям близко не хожу, а они ко мне ходят. Прикажи им, чтоб не ходили».

Надеяться на помощь с моря туркам теперь не приходилось, и Петр повторил предложение гарнизону сдать на выгодных условиях. Русский лучник пустил через стену стрелу с документом, где излагались почетные условия, предусматривавшие право гарнизона покинуть крепость вместе с оружием и скарбом в случае сдачи ее до начала штурма. В ответ стены окутались дымом от дружного залпа всех турецких пушек.

Тем временем осадные работы продолжались. Под руководством Гордона 15 000 русских солдат орудовали лопатами, наполняя корзины землей, и насыпь росла все выше и выше, ближе и ближе к турецким стенам, пока не получилась обширная земляная платформа, позволявшая без помех видеть и обстреливать через стену улицы города. К середине июля прибыли австрийские осадные инженеры, посланные императором Леопольдом. Они провели в пути четыре месяца, поскольку полагали, что кампания начнется лишь в конце лета. Когда Петр выяснил, что их заблуждение – результат нежелания Украинцева, сидевшего в Посольском приказе, открыть австрийцам военные планы из боязни, что сведения просочатся к туркам, он в ярости написал Виниусу, свояку провинившегося: «Есть ли сане [разум] его в здравье? О государственном [ему] поверено, а что все vedoют, закрыто! Толка скажи ему, что чего он не допишет на бумаге, то я допишу ему на спине».

Насыпанный русскими курган поразил австрийцев размерами, но они предложили более научный подход с применением мин, траншей и правильно размещенной осадной артиллерии. И все же город был взят именно благодаря земляной насыпи. Несколько казаков, которым опротивела бесконечная возня с лопатами и корзинами – драться надо, а не землю перетаскивать! – вознамерились штурмовать город на свой страх и риск. 27 июля, без всяких генеральских приказов, две тысячи казаков устремились с насыпи на стены, а с них и на улицы города. При поддержке регулярных войск или стрельцов они бы взяли верх, в одиночку же были отброшены отчаянной турецкой контратакой, хотя смогли укрепиться в одной из угловых крепостных башен, куда Головин прислал в конце концов подкрепление. На другой день, стремясь воспользоваться прорывом, Шейн отдал приказ к генеральному

штурму, но не успел он начаться, как турки, размахивая знаменами, просигналили, что готовы сдаться. Паша, увидев, что стена крепости проломлена, решил принять предложение русских и сдаться на почетных условиях.

Эти условия позволяли туркам покинуть крепость со всем оружием и имуществом, вместе с женами и детьми, но Петр настаивал на выдаче Енсена, предателя-голландца. Паша заколебался было, когда Енсен вскричал: «Руби мне голову, но не выдавай Москве!» – однако царь стоял на своем, и Енсена доставили в русский лагерь связанным по рукам и ногам.

На другой день турецкий гарнизон, развернув знамена, проследовал прочь из Азова, мимо русского лагеря, чтобы погрузиться на корабли, которым разрешили подойти к крепости. Шейн, полководец-победитель, ожидал, сидя на коне, возле сходней. Паша поблагодарил его за то, что он сдержал слово, склонил знамя в знак уважения, взошел на корабль и уплыл. Десять русских полков вступили в опустевший город, который, как оказалось, сильно пострадал от обстрела. Сдержатъ казаков было невозможно, и они грабили обезлюдевшие дома, пока русские командиры пировали на празднике в честь победы и по этому случаю не жалели «ни выпивки, ни пороха».

Азов стал теперь русским городом, и Петр велел немедленно снести все осадные сооружения. Под надзором австрийских инженеров по его приказу началась реконструкция крепостных стен и бастионов Азова. Улицы расчистили от развалин и обломков, а мечети освятили и превратили в православные церкви, и прежде чем покинуть город, Петр отстоял обедню в одной из новых церквей.

Теперь ему нужен был порт для нового Донского речного флота. Сам Азов стоял высокомерно по течению, донские гирла были коварны – где слишком мелки, где слишком глубоки. Неделью Петр крейсировал вдоль берега Азовского моря в поисках удобной бухты, причем ночевал на банке на одной из своих новых галер. Наконец он выбрал место для порта – на северном берегу моря, в тридцати милях от устья Дона, за мысом, известным казакам как Таган-Рог. Здесь Петр распорядился соорудить форт и гавань, которым предстояло сделаться первой настоящей военно-морской базой в истории России.

Весть об Азовской виктории поразила Москву. Впервые со времен царя Алексея русская армия одержала победу. «И как та, государь, – докладывал Петру Виниус, – радостная весть дошла прилучившемуся многим в дому Льва Кириловича [Нарышкина], тогда меня с вашею, государь, грамотою послал к святейшему патриарху. И тот, приняв и облобы[зав]... прослезился, и... повелел в большой колокол благовестити... и [народ] слыша прочитаем[ую] грамоту наипаче возвеселился и... зело удивились вашему великого государя предивную кротость и смирение, яко в такой великой победе не вознес своего сердца, но всю победу вышнему Творцу неба и земли приписал и рабов своих трудившихся (вашим же единым государским промыслом) изволил похвалити, идеже все признавают, яко ваш, великого государя, точию был промысл и одержанном с моря помощи город приклонился к ногам вашим государским».

Петр написал Виниусу, что если «дастоин есть делатель мзды своя», то не грех оказать ему почести: соорудить триумфальные ворота и устроить победное шествие в честь царя-победителя и его главнокомандующего. Виниус немедленно начал приготовления, а Петр, чтобы дать ему побольше времени, оттягивал возвращение домой. Он осматривал тульские железоделательные заводы и даже поработал вместе со знаменитым кузнецом Никитой Демидовым. Уральские земли, подаренные царем Никите, станут основой родового состояния Демидовых – уральских горнозаводчиков.

10 октября царь присоединился к своим войскам, чтобы торжественно вступить в столицу. К замешательству москвичей, церемония была обставлена не в традиционном православном духе, не как встречали, бывало, возвращавшегося с победой царя Алексея – со святыми иконами, которые несло высшее духовенство, а в новом вкусе, с языческой пышностью, навеянной греческой и римской мифологией. Возведенную Виниусом у Москвы-реки «древнеримскую» триумфальную арку поддерживали массивные статуи

Геркулеса и Марса, а у подножия размещалась фигура поверженного турецкого паши в цепях.

Сама процессия растянулась на несколько миль. Во главе ехали восемнадцать всадников, затем запряженная шестеркой повозка с престарелым наставником Петра, князем-папой Никитой Зотовым в доспехах, с мечом и щитом. Далее следовали еще четырнадцать всадников перед золоченым экипажем адмирала Лефорта, одетого в малиновый камзол с золотым шитьем, Потом появились Федор Головин и Лев Нарышкин, а за ними тридцать верховых в серебряных кирасах. Два отряда трубачей двигались впереди царского штандарта, окруженного гвардейцами с пиками. За штандартом, также в золоченом экипаже, следовал главнокомандующий, Алексей Шейн, а вслед за ним тащили за древка шестнадцать захваченных турецких знамен, и их полотнища волочились по земле. Грозным предупреждением выглядела фигура предателя Енсена со скрученными руками, в простой крестьянской телеге. На шее у него висела дощечка с надписью «Злодей», по бокам стояли два палача, вооруженные топорами, ножами, кнутами и клещами, – страшное воплощение участи, уготованной Енсену да и всем предателям.

А где же был в этом великолепном смешении сверкающих красок, в скоплении гарцующих лошадей и марширующих солдат сам царь? К своему изумлению, москвичи наконец разглядели его не на белом коне и не в золотой колеснице во главе войска, но среди других капитанов галер, шагавших за экипажем адмирала Франца Лефорта. Его выдавал высокий рост и полюбившийся ему костюм голландского капитана – иноземные штаны, черный камзол и широкополая черная шляпа, в которую он воткнул белое перо как единственный знак отличия. Вот так, пешком, царь-победоносец прошагал девять миль через всю столицу с юга, от Коломенского, на северо-восток, в Преображенское.

* * *

Весть о победе юного царя эхом прокатилась по Европе, всюду вызывая общее изумление и восхищение. Виниус написал Витсену, амстердамскому бургомистру, и прямо, без обиняков, попросил его сообщить о победе кумиру Петра, Вильгельму III Английскому. В Константинополе известие об азовском разгроме прозвучало как гром среди ясного неба. Арестовали измученных турецких солдат, вернувшихся домой после долгой осады, казнили троих чиновников, а паше, сдавшему город, пришлось спасать жизнь бегством.

Азов был только началом. Те из русских, кто надеялся, что теперь, одержав великую победу, единственную за последние тридцать лет, Петр уgomонится и станет править потихоньку, как его отец Алексей или брат Федор, скоро узнали, что в голове их повелителя уже роятся новые планы и замыслы. И первым было строительство морского флота. Петр хотел настоящих кораблей, а не просто галер, построенных только ради обеспечения сухопутной кампании и изоляции крепости с моря. Взяв Азов, Петр получил доступ только в Азовское море, вход же в Черное по-прежнему преграждала мощная турецкая крепость Керчь⁵², господствовавшая над проливом, соединяющим оба моря. Чтобы пробиться через пролив, Петру нужен был флот из морских судов.

Едва отшумели в Москве победные празднества, как Петр собрал в Преображенском Боярскую думу и объявил о намерении заселить Азов и Таганрог и приступить к строительству флота. Это историческое заседание породило целый поток указов. Сорвали с насиженных мест 3000 крестьянских и столько же стрелецких семейств и отправили в Азов как военных поселенцев. Набрали на Украине 20 000 работных людей и послали в Таганрог на сооружение морского порта. Сами корабли предстояло строить в Воронеже, значительно расширив существующие верфи, а оттуда готовые суда сплавлять вниз по Дону. Распределили расходы на строительство судов: все, кто был в состоянии – церковь, помещики, купцы, – обязывались вместе с казной нести бремя расходов. Казне

⁵² Точнее – Еникале. – *Примеч. ред.*

предписывалось построить десять больших кораблей, крупным помещикам по одному кораблю, большим монастырям тоже по одному кораблю. Все корабли следовало полностью построить, оснастить и вооружить за полтора года. Строевой лес поставляло правительство, но все остальное – канаты, паруса, орудия, снаряжение – было за помещиками и церковью.

Это предписание внедрялось со всей строгостью. Неисполнение его влекло немедленную конфискацию имущества. Когда купцы из Москвы и других городов, почувствовав, что назначенная им квота в двенадцать судов слишком для них тяжела, ходатайствовали перед царем о ее уменьшении, их доля увеличилась до четырнадцати. Большинство кораблей строилось в Воронеже, без прямого участия и надзора со стороны помещиков или купцов. Они просто вносили необходимые суммы и нанимали в Немецкой слободе иностранных мастеров-корабельщиков для руководства работами.

Начали прибывать мастера из Европы. Явились тринадцать знатоков галерного строения, которых запрашивали у венецианского дожа, и они сразу же были приставлены к делу. Еще пятьдесят кораблестроителей, приехавших из Европы в Москву, отправились в Воронеж. Но эти иностранцы составляли только основу всего корпуса специалистов. Для строительства того флота, который задумал Петр, требовалось куда больше мастеров, а после спуска его на воду – множество морских офицеров, чтобы им командовать. Хотя бы часть из них должны были составить русские. 22 ноября 1696 года, через несколько недель после указа о строительстве флота, Петр объявил, что отправляет больше пятидесяти человек, главным образом молодых людей из знатнейших семейств России, в Западную Европу – учиться мореплаванию, кораблевождению и судостроению. Двадцать восемь из них были посланы в Венецию изучать знаменитые венецианские галеры, остальные в Голландию и Англию – знакомиться с океанскими судами двух морских держав. Петр сам составил программу занятий: русские студенты должны были учиться обращаться с морскими картами, а также с компасами и другими навигационными приборами, постигать искусство строить корабли, проходить службу на иностранных судах, начиная снизу, с простых матросов, и по возможности участвовать в морских сражениях. Ни один не смел возвращаться в Россию без диплома, подписанного иностранным мастером и удостоверяющего мастерство ученика.

Петровское распоряжение повергло всех в ужас. Некоторые из отобранных кандидатов были уже женаты – старшего из них, Петра Толстого, отправили за границу в пятьдесят два года⁵³ – и вот теперь их отрывали от жен и детей и подвергали Бог весть каким соблазнам и искушениям коварного Запада. Родители опасались тлетворного воздействия басурманской веры, жены – ухищрений заморских совратительниц. К тому же путешествовать всем предстояло на собственные средства. Но ничего не попишешь: приходилось ехать. Ни один из этих «волонтеров», вернувшись в Россию, не стал выдающимся флотоводцем, но годы, проведенные за границей, прошли не даром. Толстому очень пригодилось близкое знакомство с Европой и беглый итальянский язык, когда он занял пост посла в Константинополе. Борис Куракин стал видным петровским дипломатом в Западной Европе. Юрий Трубецкой и Дмитрий Голицын в конце концов сделались сенаторами, причем Голицына считали одним из самых эрудированных людей Петровской эпохи. И эти пятьдесят человек были лишь первой волной. В последующие годы вошло в обычай отправлять молодых россиян как знатных, так и простолюдинов, за границу учиться морскому делу. Знания, которые они привозили домой, помогали преобразовать Россию.

Но грандиозная программа строительства Азовского флота и отправка молодых русских дюжинами на выучку за рубеж были еще не самыми сильными потрясениями, ожидавшими Россию вслед за победой Петра над турками. Через две недели после отъезда первых морских волонтеров думный дьяк Посольского приказа Украинцев выступил с новым, еще более потрясающим заявлением: «Государь указал для своих великих

⁵³ П. А. Толстой сам испросил у государя разрешение на поездку за границу, во многом – чтобы угодить Петру, помнившему те времена, когда Толстой выступал на стороне Софьи. – *Примеч. ред.*

государственных дел послать в окрестные государства, к цесарю⁵⁴, к королям английскому и датскому, к папе римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына».

Великое посольство, как его стали называть, должно было включать более 250 человек и отсутствовать свыше полутора лет. Тем самым представлялся не только удобный случай для его участников самим присмотреться к Европе и набербовать офицеров, матросов, инженеров и корабельных мастеров на строительство и службу в российском флоте, но и возможность для европейцев воочию увидеть русских – цвет нации – и составить о них мнение. А вдогонку этой новости по Москве уже неслись два невероятнейших слуха: будто сам царь собирался следовать с посольством в Европу, причем не в качестве великого государя, царя, самодержца, монарха, а просто в посольской свите. Петр, при его шести футах и семи дюймах росту, намеревался путешествовать инкогнито.

⁵⁴ Так называли австрийского императора, бывшего императором (цезарем) Священной Римской империи германской нации. – *Примеч. ред.*